

Алексей Захаров

СОЛНЦЕПЁК

METALLIC



Алексей Захаров

**Солнцепёк**

«Издательские решения»

## **Захаров А.**

Солнцепёк / А. Захаров — «Издательские решения»,

«...А там на самом деле бардак настоящий и чудовищная несправедливость. Я-то знаю. Сколько я подобных живодёрен перевидел в своей жизни — не счесть. Моя мама любила раньше меня по ним таскать. Наверное, думала, мне от этого сплошное удовольствие. А обстановка в этих зверинцах похуже чем в любой арабской тюрьме будет. Паршивее не придумаешь.....Глядя на эти дрянные картинки, намалёванные на звериных вагончиках, меня до того с души воротило, что потянуло закричать на всю округу и грязно выругаться».

© Захаров А.

© Издательские решения

## Содержание

1. Гаврош, Олеся, Наглый	6
2. «Бог» курит «Мальборо»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# **Солнцепёк**

## **Алексей Захаров**

© Алексей Захаров, 2015

*Фотография для обложки* Владимир Брозинский

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru



## 1. Гаврош, Олеся, Наглый

– Вот говорят, родителей не выбирают, – задумчиво произнес Олеся, ковыряясь длинной сухой веткой в прогорающем костре, – жалко, что не выбирают, я бы, пацаны, себе выбрал.

– Зачем тебе, – удивился Гаврош, – у тебя же есть?

Ветка, которой Олеся копался в костре, загорелась. Он вынул ее из пламени, посмотрел, потыкал в землю, чтобы сбить огонь, потом приблизил дымящийся кончик к лицу и, пузыря щеки, зачем-то с силой подул на уголек.

– Мать с прабабкой, – Олеся опять сунул палку в костер, – разве это родители? Мать запойная, а бабка древняя, чуть живая. Я бы себе нормальных родичей, пацаны, выбрал, чтоб как у всех – отец и мать. Как у Наглого вон, – он кивнул головой в мою сторону.

– Все равно, – продолжал стоять на своем Гаврош, – все равно ведь есть. Это если кому выбирать, так мне. У меня вообще никаких нету...

Мы сидели на заброшенном дачном участке, жгли костер, пекли картошку и жарили на ветках кусочки хлеба. Олеся примостился на вывернутом из земли деревянном столбике от садовой калитки, Гаврош полулежал бочком на старом, прожженном в нескольких местах, матрасе, а я оседлал перевернутую вверх дном дырчатую эмалированную кастрюлю. Мы курили, глядели на огонь и болтали о всяком разном. Мы частенько собираемся у Гавроша, на заброшенном дачном участке, среди сотен других точно таких же кинутых дачных участков. Ну, может быть и не сотен, врать не буду, я точно не знаю. Во всяком случае, их здесь много. Целые дачные кооперативы. Целый заброшенный город, оставленный древними жителями по неясной для современных ученых причине. Так мы себе все это иногда представляем: что, мол, будто бы мы путешественники и что находимся в древнем городе, который сотни лет назад в спешке покинули жители. На самом же деле причину, почему дачи были в заброшены, мы знаем. А причина в том, что почти каждый год наша река весной разливается и топит участки, расположенные на ее правом берегу. Мои родители как-то рассказывали мне, что раньше, давно, еще до моего рождения, воду в реке по весне вовремя сбрасывали – в тот момент, когда это лучше всего делать требуется, – поэтому наводнений не происходило, и люди безбоязненно строили себе на правом берегу дачи, сажали фруктовые деревья, малину, грядки всевозможные возделывали. А потом почему-то воду в нужный срок перестали спускать, не открывали как следует шлюзы у дамбы, и участки по весне начало затапливать. Вода на некоторых дачах стоит аж до середины июня. На других земля превратилась в болотину. Само собой разумеется, что людям такое дело не понравилось. Кому ж понравится, когда весь твой труд коту под хвост – деревья с кустарниками гибнут, и постройки от сырости гниют и разваливаются? Вот так постепенно дачные участки и превратились в оставленный жителями древний город. А нам, понятное дело, от этого только приволье и выгода. Вот только жителей дачного города жалко. Разорили их, выжили...

Мы – это я, Олеся и Гаврош. Мы с Олесей ровесники, нам уже по четырнадцать лет стукнуло, а вот Гаврош нас помоложе – ему весной всего тринадцать исполнилось. Но даже не знаю, выглядит он на свои тринадцать лет или нет. Он курит, как паровоз, и еще к тому же питается чем попадя, вот потому он щуплый и маленький. Ну, это уже не его вина. Я бы посмотрел, как другие выглядели на его месте, если бы и у них судьба сложилась точно так же, как у Гавроша.

Хотя Гаврош и небольшого роста, и лет ему меньше, чем нам, но пацаном он считается тертым, многое успел повидать и во многом в чем разбираться научился. И понятно, как-никак второй раз из детдома сорвался. Родителей у него нет, и ни сестер, ни братьев – тоже, Гаврош один по свету скитается. Он говорит, что из родственников у него только тетка имеется, которая где-то в Астрахани живет. В его голове каким-то чудом сбереглись клочки воспоминаний о том, как однажды он вместе с родителями ездил к тете Гале в гости, но эти воспо-

минания у него очень скудные и обрывистые. Он не может припомнить, как звали теткиного мужа и были ли у них дети, зато в его в памяти отчетливо отпечатались часть улицы и фасад трехэтажного дома, в котором когда-то жила потерявшаяся родня. Воспоминания о теткинском доме Гаврош считает своими самыми главными жизненными воспоминаниями. Он уверяет, что если ему показать тысячу всевозможных домов со всей земли и среди них будет теткин – он его тотчас узнает.

Пусть мы с Олесей для Гавроша и друзьями считаемся, но даже с нами он про своих родителей и про то, как в детдом попал, больно-то не распространяется. Наверное, плохо ему на душе от этих разговоров делается. Он лишь рассказал нам, что в детдоме ему говорили, будто мать у него была русская, а отец не то узбек, не то таджик – толком никто не знал. Много лет назад их семья жила на берегу реки Терек. А что с родителями дальше случилось, он не помнит.

То, что отец у него нерусский, это по Гаврошу и так заметно. Не очень, но все же заметно. Гаврош смуглый, как цыганенок, глаза чернявые и волосы – вечно грязные и спутанные, – тоже смольные. И вообще вид у него шkodный. Но это посторонние, те, кто его не знает, могут подумать, что Гаврош – «оторви, да брось», а на самом деле он не такой. Это он просто иногда рисуется на людях, хорохорится и хочет героем выглядеть, но мы-то с Олесей знаем, что настоящему Гаврош другой. Он не подлый и не пакостный, в сравнении со многими прочими, и первым никогда не задирается. Настоящее имя у него обыкновенное – Пашка. А Гаврошем – это его на рынке так нарекли. Базарные торговцы такое прозвище придумали.

Пашка время от времени промышляет на центральном рынке собиранием монет. Ползает на четвереньках вдоль деревянных прилавков, выглядывая уроненные и закатившиеся под тумбы монетки, и выуживает их оттуда железным прутиком с загнутым крючком на конце. Он этот прутик «помощницей» называет. Так вот, когда Гаврош рыскает по грязному полу вдоль фруктовых прилавков, не обращая внимания на людей, которые беспрестанно снуют мимо него и чуть ли не наступают ногами ему на пальцы, в общем, занимается своим обычным делом и никому не мешает, некоторые торгошники принимают швырять в него мелочь. Не из-за того, что Гаврош у них фрукты из ящиков ворует или насолил чем-нибудь, нет. Они в него просто так кидаются, ради развлечения. Если попадают в голову, радуются, словно удачливые охотники на каком-нибудь там дурацком сафари и, не стесняясь, громко гогочут. А Гаврош терпит. Увертывается, ползает по изгвазданному полу и молча подбирает монеты. Прямо как тот парень из книжки про французскую революцию, который из-за баррикад за патронами лазил. Вот потому-то Пашку и прозвали Гаврошем. Только в него не пули летят, как в того французского пацана, а монеты. Но Пашка рассказывал нам, что если в лицо монетой залепят, тоже мало не покажется. Да и понятно, пускай любой попробует, какого это, если здоровый мужик тебе двухрублевой в голову с размаху въедет. А если пятериком?! Да еще ребром! То-то же. А Гаврош шныряет около прилавков до тех пор, пока торгошникам не надоест бросаться в него монетами, и старается лицо спрятать. Питаться-то ведь нужно на что-то...

Это Гаврош облюбовал наш садовый участок. Первое время он по подвалам перебивался, а после «брошенный город» открыл и на даче поселился, в запущенном бревенчатом домике с односкатной крышей и маленькой ржавой буржуйкой внутри. Все ж лучше, чем по чахоточным подвалам скитаться – природа, и безопаснее, и от милиции подальше.

Гаврош в школе, конечно, не учится. Из всей нашей компании только я один занятия посещаю. Конечно, когда каникул нет. И Олеся тоже учебу забросил. Это ведь он меня с Гаврошем познакомил. Мы-то с Олесей закадычные друзья еще с первого класса. Раньше мы с ним в соседних подъездах жили и учились в одном классе, но потом мои родители купили в другом районе квартиру, и мы переехали. Понятное дело, дружить мы после моего переезда не перестали, разве что пореже видаться начали, но это ведь для настоящей дружбы совсем не помеха.

Иногда я думаю, что лучше бы родители не покупали нам новую квартиру. Мы бы тогда с Олесей продолжали по-прежнему каждый день встречаться. А так... Олеся – он хоть и головастый, в смысле, что умный и смекалистый, и книжек всяких много читает, но все равно нет-нет, да и совершает глупость на ровном месте. Как малый ребенок. Вот из одной такой глупости Олеся и сделался инвалидом. У него ведь левой кисти совсем нет. В том месте, где у обычного человека запястье находится, у Олеси рука заканчивается уродливым багровым узлом. А бок, шея и щека левая у него оплавленные и сморщенные, точно побывавшая в костре резина. Весь в рубцах он, в общем. Как-то еще повезло – глаз не высадило... Это Олеся в конце седьмого класса самодельную бомбу смастерил. Смешал целую гору серебрянки с марганцем и через пробитую дюбелем дырочку засыпал получившийся «порох» в пустой аэрозольный баллончик. Потом приладил фитиль из селитрованной бумаги, зажег и бросил баллон на безнадзорной строительной площадке. Сам он, разумеется, сперва предусмотрительно спрятался в укрытие, но затем Олеся все же дал маху. Вот постоянно его нетерпение подводит! Нет, чтобы подождать чуточку! Мы ж с ним столько раз до этого газеты селитровали, а после ракеты из фольги крутили и запускали их на школьном стадионе сотню, а может даже и больше раз. Короче, много, очень много раз. Он ведь знал, что газета не вся равномерно проселитровывается. Попадают в середине такие участки, которые плохо пропитываются раствором, а значит, и не горят потом толком, шаят лишь еле-еле и дыма почти не дают. Вот и тогда также. Олеся решил, что фитиль в бомбе весь выгорел, и она не сработала. Он выбрался из-за штабеля досок и пошел смотреть эту чертову бомбу, а она тем временем, оказывается, тлела тихонечко, незаметно. И когда Олеся взял баллончик в руку, бомба шарахнула и изуродовала его с головы до ног. Олеся после этого шутить принялся, что, мол, до взрыва бомбы он левшой был, а затем мгновенно в правшу превратился. Мол, до этого учителя в школе много раз пытались его на правую руку переучить, да у них ничегошеньки не получилось, а оказывается, им всего-то нужно было одну вещь с ним сотворить – левую кисть оторвать. И только-то! Шут гороховый... Я-то понимаю, почему он так шутит. В его обстоятельствах остается одно из двух: либо открыто над собою подсмеиваться, мол, мне все нипочем, все трын-трава, либо раскиснуть, жертвою стать. Но последний вариант был не для Олеси, уж я как никто другой из всех людей на земле это знаю, зуб даю.

А на школе он жирный крест поставил. После больницы Олеся еще походил в нее месяца полтора и затем бросил. Его в ней разные тупые придурки обидно дразнить принялись. И даже некоторые девчонки тоже. Те, что кривляки задавалистые и наглячки. Те, которые сами из себя ничего не представляют, а лишь обожают перед другими повыставляться, да около школьных заводит без конца вертятся. Так вот, эти тупицы Олесю Клешной прозвали, потому что у него после взрыва только одна рука осталась. Олеся на первых порах терпел, сколько мог, затем уроки пропускать начал, а после и вовсе плюнул на школу и прекратил посещать занятия. Я понимаю, подсмеиваться над собой в моем или Пашкином присутствии – это одно, а сносить оскорбительные насмешки от всяких кретинов сухо мозглых, которые только и могут похвастать тем, что у них две руки и ничем больше, совсем другое дело.

Школу-то он бросил, но книжки по-прежнему продолжает читать. Я ни одной книжки не знаю, какую бы Олеся не прочел. Нет, в самом деле. Он их мигом проглатывает, даже те, что очень толстые и заумные. Я этим даже горжусь, ну, в смысле, я горд, что мой друг, Олеся, такой начитанный. Большинство тех недоумков, что каждый день в школу ходят и примерными учениками считаются, такими хорошистами и благополучными, те, которые Олесю Клешной обзывали, они и сотовой части из того, что прочитал Олеся, в руках не держали. А туда же, выше всех себя мыслят! Олеся нам с Гаврошем иногда рассказывает что-нибудь из прочитанного. У него, конечно, не очень гладко выходит, он часто путается и сбивается, оттого что стремится изложить все разом и поскорее, но нам его рассказы все равно нравятся. Хорошо так иногда, сидим вместе у костра на нашей даче и слушаем Серегу.



Ах да... мы его Олесей прозвали из-за того, что фамилия у него Олесенко, а так-то Олесю зовут Серегой. Обычный пацан, как и я, как Пашка, ну, может, чуть сутулый, да разве что рука у него всего одна и лицо сплошь в ожогах.

А меня окрестили Наглым. Это не потому, что я действительно нахальный или беспардонный какой-нибудь, нет, ничего подобного. Наоборот, я всю жизнь был немного застенчивым. Не то, чтобы робким или затюканным каким, нет, просто слегка стеснительным. Есть же стеснительные люди, которые не лезут вперед всех. Не ходят в любимчиках у классной руководительницы или завучихи. Не кланчат у богатых одноклассников сотовые телефоны, чтобы поиграться, не торопятся стать на первые места в центре при фотографировании на память и не хватают раньше других лучшие куски торта во время праздничных чаепитий в школе в честь восьмого марта, например, или окончания учебного года. Есть же такие. Вот я такой. Однако мой отец считает, что я не столько стеснительный, сколько в моем характере присутствует чувство собственного достоинства. «Ему свойственны индивидуальность и самодостаточность, а чувство толпы, наоборот, претит», – говорит про меня он. Не знаю, может и так... А Наглым – это меня Олеся прозвала из-за одной истории, которая приключилась в начале нынешнего лета.

У моих деда с бабкой, маминых родителей (другая моя бабушка, которая по отцу, далеко от нас живет, в Саратове), есть дача за городом, в сухом, незаливном, месте. Раньше я по пол-лета на ней проводил, на велосипеде гонял, ходил с соседским Ванькой на лог купаться, карасей желтых ловил, за грибами в ближайшие колки ездил. Так вот однажды, в середине июня, я шатался по нашему саду, изнывая от жары и несусветной скуки. Дед с бабулей спрятались от солнца в дачу, телевизор в ней смотрели и носа наружу не показывали. Вокруг, на соседних участках, тоже не было ни души. Ванька как назло куда-то подевался. На лог меня дед не пустил из-за того, что я накануне без спроса умотал на пляж, и они меня обыскали. А купаться хотелось – сил не было. Одним словом, тоскливый день выдался, надо прямо сказать. Скучища конкретная. И я, не зная, чем бы заняться, лазил от безделья под яблонями и смородиновыми кустами, думая отыскать в них нашего кота. Демьян любил в знойный день в тени поваляться. Бывало, распластается между кустами смородины и лежит целые часы напролет, пока не надоест ему. Но в смородине я Демьяна не нашел, все обшарил. И в середине кустов, и по краям, и возле забора. Последняя надежда оставалась на то, что он, жук, в сарае спрятался. В сарае всегда прохладно и сумеречно, и мыши к тому же в избытке водятся. Демьян туда тоже частенько забирается. В общем, и в сарае я посмотрел, но и там я этого бездельника не обнаружил. Кот как сквозь землю провалился. Тогда я решил, что он где-то по окрестным дачам шатается. От нечего делать я немного порылся в дедовских инструментах на стенных полках и уже, смирившись со своей участью, собрался было пойти в дом телевизор смотреть, но тут вдруг услышал громкие всплески у нас за сараем. А сарай, надо сказать, задней стеной примыкает к низенькому, по пояс, заборчику, отгораживающему наш участок от соседского сада. Ну, мне, естественно, интересно сделалось, что у соседей там такое творится, что за «День Нептуна»? Еще пять минут назад у них полнейшая тишина стояла, и никого не было видно, а теперь всю воду плещется, точно детсадовские дети балуются. Я и выбрался из сарая, да потихонечку высунулся из-за угла. Честное слово, я не ожидал увидеть то, что увидел. Правда – правда! Нет, хоть чем поклянусь! Чего ради мне врать-то?! Я если б заранее знал, что увижу подобное зрелище, я и сказал бы: мол, заранее знал. Но я же ни сном, ни духом. С места мне не сойти! Выглянул я, значит, из-за угла, без всякой мысли, а она сразу ругаться взялась, словно я заблаговременно в курсе был, что она придет принимать ванну. В общем, всплески те – это наша соседка купание себе в железном баке устроила. Да еще к тому же она голая вся была. То есть я хочу сказать – совсем голая, без ничего. Соседку нашу Татьяной Николаевной зовут. Ей лет тридцать семь, наверное, или, может быть, тридцать пять, она в областной больнице окулистом работает. Одинокая, без мужа. Ничего такая, фигуристая – не толстая и не худышка,

она мне давно нравится. Среднего роста, волосы у нее прямые, светлые, и лицо в моем вкусе. Честно признаюсь, когда Татьяна Николаевна по своему саду в купальнике ходит, я в ее сторону всегда потихоньку посматриваю – люблюсь ее ладной фигурой и грациозной походкой. А тут она – с ума можно сойти, – передо мною голая! Бак низкий, ей чуть выше колена, вот она вся и была снаружи, как на картинке. Я как увидел ее, так и застыл на месте. Может, если бы этого со мной не стряслось, Татьяна Николаевна не успела бы меня заметить, а так, понятное дело, она руками закрылась и в воду тут же осела. И корить меня начала, мол, какой я нахал и бесстыдник. Взялась грозиться, что нажалуется моим родителям, расскажет им, как недостойно их сын поступает. Какой я бесстыжий и наглый. А почему я бесстыжий?! Она посреди бела дня без ничего в баке купается, а я, значит – наглый?! Бессовестный?!

Короче, как только меня Татьяна Николаевна заметила, я, конечно, тут же за сараем укрылся. Сидел за ним, затаившись, с колотящимся сердцем, до тех пор, пока соседка не успокоилась и не перестала ругаться. Самого меня так и подмывало снова из-за сарая выглянуть, но я ж говорю, что я немножко стеснительный. Другой бы на моем месте подсматривал за соседкой и в ус не дул, наслаждался бы завлекательным зрелищем. Татьяна Николаевна же после этого еще минут пять в баке плескалась, я хорошо слышал, не торопилась никуда уходить. А я вот проморгал счастливый случай и после долго жалел. Голая Татьяна Николаевна у меня потом целый день перед глазами стояла. Грудь у нее шикарная, и живот роскошный, и, конечно, бедра. Я и ночью спал плохо, все ворочался и представлял нагую соседку. До того извелся, что под ложечкой засосало и в животе пусто сделалось. А родителям она так ведь ничего не сказала. И со мною продолжает здороваться как ни в чем не бывало. Только теперь всякий раз при встрече стала смотреть на меня загадочно и как-то так улыбается странно, точно мы с нею тайными заговорщиками являемся. Не понять этих женщин, честное слово, то они ругают тебя, обещают предкам нажаловаться, а то улыбаются мило и ласково смотрят в глаза.

Я когда через неделю рассказал этот случай Сереге, он на меня сперва с завистью минут десять таращился и подробности выяснял, что да и как, а затем смеяться вдруг начал. Я взять в толк не могу, что с ним стряслось, а Олеся на спину на траве завалился и хохочет, как сумасшедший. Потом все ж успокоился.

– Так ты у нас, Никитос, выходит, наглый, – сказал Серега и опять со смеху покатился. – Никитос – Наглый, никогда б не подумал!

Вот так ко мне прозвище с той поры и приклеилось. По примеру Олеси и другие пацаны стали называть меня Наглым. А я и не против. Мне даже нравится. Не какое-нибудь обидное или невзрачное прозвище вроде Мокрого или Штампа, есть у нас в классе парни с такими кличками. Нет, это прозвище дельное. Оно мне даже в каком-то смысле теперь защитой служит, ну, как предостерегающая раскраска у насекомых и пресмыкающихся. А то ведь по-настоящему наглым я становлюсь, только если меня окончательно допекут, когда обороняться приходится. А тут прозвище – Наглый, и отдельные личности начинают считать, что я и вправду отпетый жох. Я ведь не акселерат под два метра ростом и не боксер тренированный, я обычный пацан. У нас с Олесей комплекция одинаковая. Разве что, в отличие от него, руки две у меня, и я не сутулюсь. А одеваемся мы с ним тоже очень похоже – в футболки, спортивные «комбаты», да матерчатые кроссовки.

«Жалко, что не выбирают, я бы, пацаны, себе выбрал...» Да, так Олеся сказал...

– Все равно, – упрямо твердил Гаврош, – все равно ведь есть у тебя родные. Если кому выбирать, так это мне. У меня вообще никого нет.

Олеся умолк, не стал возражать Гаврошу, чтобы не тревожить его, опять взялся ковыряться в углях. Мы сидели на заброшенном дачном участке, жгли костер рядом со старой яблоней, разговаривали и курили.

Историю с соседкой, Татьяной Николаевной, я Олеся с Гаврошем несколько раз пересказывал. Вот и сейчас мы опять вернулись к ней. Олеся без конца любопытствовал, как она

теперь себя со мною ведет. Он даже версию выдвинул, что, может, я тоже соседке нравлюсь. Ну, не сразу конечно понравился. Поначалу она, естественно, застенялась, предположил он, а после, когда в себя пришла, по-другому на тот случай взглянула. Он сказал, что женщины, побывав в интимной обстановке с мужчиной, начинают по-иному к нему относиться. Симпатию начинают питать, если не нечто большее.

Ну, не знаю... Олеся, не спору, начитанный и знает побольше, чем я, но порою такое скажет. В общем, я не поверил Сереге, о чем открыто ему заявил:

– Я же для нее малолетний, Олеся...

– Ну и что, – невозмутимо парировал он, – есть уйма женщин, которым нравятся юноши. Ты же не совсем шкет слюнявый. Тебе же, Наглый, уже снятся сны с обнаженными женщинами? Снятся, ведь, правда?

Я кивнул утвердительно, хотя, по правде сказать, такие сны к тому времени мне снились лишь дважды. Оба раза после случая с нашей дачной соседкой.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Серега. – К тому же вспомни, как она на тебя смотрит и как улыбается. Точно, Никитос, ты ей нравишься.

Я молчал, припоминая, как Татьяна Николаевна смотрела на меня в последнюю встречу. Я уже практически начал верить Олеся, стал представлять себя и соседку в романтических обстоятельствах, но тут он все испортил, предложив новую версию.

– А может, она тогда твоего отца караулила?

– О чем это ты? – не сразу сообразил я.

Гаврош лежал на матрасе, дымил сигаретой и безмолвно пялился на огонь. Пашке было все равно, кто кого караулил.

– Да ты сам прикинь, с чего ради она полезла днем голышом купаться? – Олеся вопросительно уставился на меня. – Может быть, она думала, что твой отец на даче находится, вот его-то она и хотела порадовать.

– А почему она теперь на меня так глядит? И улыбается? Сам говоришь...

– Да ты ненароком ей подвернулся, у нее внимание на тебя и переключилось. Установка сменилась, такое случается. Соображаешь? Психология, Наглый...

Ну ладно, пусть будет так, подумал я, поджаривая на прутике хлеб. То, что я невзначай оказался на месте отца, меня тоже устраивало. Я размышлял, как бы мне еще раз очутиться наедине с нашей соседкой, и если я и вправду ей нравлюсь, как утверждает Олеся, что предпринять дальше? Как проявить себя, чтобы произвести на Татьяну Николаевну нужное впечатление? В моем мозгу стали возникать различные планы. Я представлял себе, что у нее заклинивает поливочный кран, и я, как настоящий мужчина, с помощью газового ключа помогаю открыть его – я уже проделывал такое однажды и вполне смог бы справиться с этим снова, – в благодарность за помощь Татьяна Николаевна целует меня в щеку (на счет губ я так сразу не осмеливался подумать) и зовет в дом, отдохнуть и посмотреть телевизор. Я соглашаюсь и... Потом я вообразил другое – что перелажу через наш общий забор, разыскиваю соседку среди яблонь, протягиваю ей полную чашку великолепной малины и по-соседски предлагаю угоститься. Татьяна Николаевна смотрит на меня долгим, оценивающим, но ласковым взором, улыбается, неспешно одну за другой берет из чашки ягоды и кладет себе в рот, а затем, в свою очередь, приглашает меня в дом выпить прохладного сока. Я соглашаюсь и... Мысли о ее кирпичном, с крошечной верандой, домике волновали меня до невозможности. Этот дом хранит много заветных тайн. После этого мои фантазии сделались совсем бесстыдными, но меня это нисколько не смутило. Как-никак теперь наша соседка считает, что я парень отчаянный и, несмотря на угрозу того, что о моем поведении будет доложено родителям, способен на безрассудство. Я живо принялся представлять, как в сумерках подкрадываюсь к ее домику и, подглядывая в окно, жду, когда она начнет раздеваться, и в самый ответственный момент врываюсь в комнату. А еще лучше с букетом цветов. Точно! У меня дед выращивает отличные розы.

Можно тайком срезать несколько штук и преподнести их соседке – она много раз с восторгом отзывалась о них. Конечно, она в первые секунды перетрусит, как и любая девчонка, и разозлится (как тогда в баке), но потом, увидев в моих руках цветы, смягчится и... Дальше у меня дело пока ни в какую не двигалось. Опять шли поцелуй в щеку и треклятый сок...

Или ввалиться к ней с бутылкой шампанского? С розами, конечно же, тоже, и с шампанским! Попросить Олесю, чтобы купил для меня в торговой палатке бутылку, и прийти с ней к Татьяне Николаевне. Кроме того, что Олеся после взрыва бомбы стал правшой, у него от увечья еще одно преимущество появилось. Теперь Сереге с его изменившимся внешним видом стали в ларьках продавать пиво и сигареты. Гаврошу не продают, и мне не продают, а Олесе запросто. Он – продуманный: прежде чем протянуть продавщице деньги, Олеся специально разворачивается к ней левым боком, чтобы культю и шрамы на его лице было отчетливо видно. Ему практически никогда не отказывают. Не знаю, почему. Может, продавцы считают, что таким образом облегчают Сереге его существование? Вроде как бы милосердие проявляют к Олесе. А может, просто хотят поскорее от него отвязаться, чтобы не видеть его лица...

Да, с шампанским, да еще с розами – это конечно шикарно. Никакая девчонка не устоит. Но будет ли она со мною шампанское пить? Ну, если она меня целовать станет, значит и шампанское выпьет, заключил я.

А может быть по-другому? Я представил очередной вариант своих действий. Может быть, поступить так же, как поступила она? Забраться нагишом к ней в бак и начать плюхаться? А что? На меня же ее купанье произвело неизгладимое впечатление, почему же мое на нее не сможет подействовать?

Я не знал, какой план лучше принять, и поделился своими мыслями с Олесей.

– Последний не годится, – отрезал он, быстро подумав.

– Почему?

– А ты представь, Наглый, что вместо соседки тебя твоя бабка увидит или дед. Или мать. Их же кондрашка хватит. И опозоришься. Нет, тут надо иначе. Хотя бы так, как ты с розами придумал. Цветы и шампанское – по-мужски, романтично, а женщины романтику обожают. Они на романтических мужчин на раз западают. Да, с шампанским – это по-настоящему. Это – верняк.

– Ты считаешь, Олеся? – я почему-то опять засомневался, будет ли она пить со мною шампанское.

– Сто процентов – верняк, – Олеся утвердительно кивнул головой, подался вперед, сдернул с моего прутика хлеб и начал хрустеть. За разговором я забыл про поджарившийся кусочек, и Серега бесцеремонно воспользовался моею оплошностью.

– А если она откажется, Олеся? Скажет, что рано мне еще баловаться шампанским.

– Большое дело, пускай одна пьет, – он отмахнулся, – тебе же главное не это, шампанского ты и с нами можешь выпить. Тут главное, Никитос, не замешкаться. Не показать вида, что ты робеешь или стесняешься. Чтобы не случилось, как в прошлом году. Помнишь, когда мы у Катьки Сапожниковой в гостях сидели? Еще до того, как я бомбу взорвал. В желания играли. И ты в нужный момент растерялся. Помнишь? Ты в тот раз вместо того чтобы Катьку начать целовать и обнимать ее, стоял столбом и моргал часто-часто, будто тебе по башке врезали. И слова сказать не мог. А ведь Катька сама хотела. Мы же со Штапом видели. Девчонки – они лишь с виду скромницы, а на самом деле того же желают, что и мы – целоваться и тискаться.

– Ладно, знаток выискался, – я не нашелся, что другое ответить, чтобы прервать Олесиные воспоминания о том позорном для меня случае.

– Но то, Наглый, Сапожникова. С взрослой женщиной опростоволоситься нельзя. Если решился – нужно действовать до конца, – Олеся дожевывал хлеб и смахнул пальцами с угла рта крошки.

Я не стал уточнять, откуда Олеся известно, как следует вести себя с взрослыми женщинами. Наверное, в книжках вычитал. Но в книжках же всего не напишут. Потискаться с Каткой – это одно, а понравиться тридцатипятилетней женщине – совсем другой коленкор. Да еще такой, как моя соседка. Красивой и статной, как телеведущая. Как я ни пытался, у меня никак не выходило представить, чем мы с Татьяной Николаевной заниматься станем, когда окажемся у нее в домике. Хоть ты тресни! Прямо тормоз какой-то! До этого места я еще как-то добирался в своем воображении, а потом все – ни шагу. Я, естественно, знал, что мужчины делают с женщинами. Теоретически, конечно. Нам Штамп однажды растрепал, как он в интернете по взрослым сайтам лазил. Мы с Олесей после уроков и поперлись к нему домой. Но недолго мы по тем сайтам лазили, минут десять всего. Вернулась его мать и застала нас за этим запретным занятием. Ну, а мы там уже всякого навидались! Не буду врать, что мне не понравилось, но и по башке огрело прилично. Прямо шок какой-то в тот день со мною случился. В голове будто все вверх тормашками перевернулось. Олеся тоже, наверное, минут сорок молчал, не разговаривал ни с кем. Штамп потом хвалился, что все, что мы успели увидеть – только цветочки. Такого нам понарассказывал. Но мы его болтовне не очень-то поверили, уж больно не укладывалось все это в мозгах. Как подобное можно вытворять, да еще выставлять напоказ перед всеми? С ума сойти можно от того, что он нам порассказал. Думаю, Штамп приврал от себя с три короба, он на подобные штуки мастер, хотя, судя по тому, что мы видели, может, и нет, может, и не приврал...

Сейчас я упорно пытался приблизиться к тому моменту, когда Татьяна Николаевна станет целовать меня в губы. Между шампанским или там соком должно же еще что-то произойти. А у меня в этом месте провал был. Пустота и туман крошечный. Я Серегу сперва об этом спрашивать не хотел, откуда ему знать? Кроме Катки и книжного опыта у него другого не было, в этом я был уверен. Но потом я не выдержал и все же спросил. Уж страшно мне не терпелось посмотреть на то, как он выкручиваться начнет.

– А что дальше, Олеся? – поинтересовался я. – Когда мы с ней вместе в домике окажемся?

– Пускай шампанского выпьет, – не чувствуя с моей стороны подвоха, Олеся расслабленно вытянул ноги к костру и поскреб ногтями коленку.

– А дальше?

– Что дальше? – не понял он.

– Ну, выпьем мы шампанского, цветы я ей вручу. И что? – не унимался я.

– Ну, что дальше... – растерялся Олеся, – а дальше... – он неуверенно посмотрел на меня.

– Что, начать тискать ее, как Сапожникову? – ухмыльнулся я, довольный тем, что подловил Серегу.

Олеся сообразил, что я над ним насмешничаю и разозлился.

– Ну, ты, Наглый, даешь! Она ведь не Катка! С нею нельзя так...

– А какая разница, – неожиданно встрял Гаврош, ему, видно, надоело слушать нашу болтовню, – женщины, они, как и девчонки, тоже пообниматься не прочь.

Мы с Олесей обалдели от его слов. То он молчит себе в тряпочку, пока мы обдумываем, как мне лучше зарекомендовать себя перед Татьяной Николаевной, то выдает вот такое.

– Тебе-то откуда известно?! – почти хором воскликнули мы.

– Да надоели вы, пацаны. Все про баб и про баб, – отмахнулся Гаврош. Он поправил за козырек свою синюю, захватанную бейсболку, поджег в костре прутик и прикурил от него сигарету. – У нас одна воспиталка с детдомовскими старшаками шашни крутила, пока ее за это директриса не вытурила...

Внезапно Гаврош осекся. Где-то через улицу послышались громкие мужские голоса. Мы разом притихли и начали тревожно прислушиваться, стараясь определить – где говорят. Гаврош привстал с матраса, сел на колени и, часто и нервно затягиваясь сигаретой, принялся беспокойно вертеть головой, точно испугнутый суслик. Мы с Олесей схватили жестяные носилки

и накрыли ими костер, после чего тоже принялись крутить головами, сиюсь рассмотреть за кустами силуэты людей. На душе сразу муторно сделалось – неизвестно, кто мог в это время бродить по брошенным дачам. Уж точно не владельцы участков. К тому же Гаврош нам недавно рассказывал, что слышал среди ночи жуткие вопли. И, по его словам, непонятно, кто это кричал. Человек или зверь. Не разобрать было... Кто-то в тот раз не то стонал, не то выл. А, может, одновременно и то и другое делал. Уж больно протяжные и ужасающие были те крики, словно маялся кто по непонятной причине. Гаврош нам признался, что потом до утра не мог заснуть, все ворочался и к окружающим звукам прислушивался. Я тогда не придавал его рассказу значения, а сейчас понял, какого в тот раз было Пашке...

Голоса вдруг пропали также внезапно, как появились. Мы перестали вертеться и теперь сидели возле костра неподвижно, превратившись полностью в слух. Кругом уже сделалось совершенно сине и немного прохладно. За разговорами я не заметил, как на поселок свалились сумерки. Чудилось, что с каждой секундой вокруг становится все темнее, мрачнее. Точно кто черной краской расплескивал в воздухе. Хорошо еще, что вокруг было безветренно, а потому не так страшно. Если б деревья шумели, было бы значительно хуже, подумал я.

Несколько минут мы не произносили ни звука. Вскоре голоса раздались еще раз, но они уже зазвучали далеко, слабо и едва различимо. Непрошенные гости ушли. Мы облегченно вздохнули и сбросили носилки с костра. Гаврош опять прилег на матрас и, беззвучно шевеля губами, принялся смотреть на язычки пламени.

– Кто это, интересно, шатается, парни? – Олеся опустил на прежнее место и, пошурив в костре веткой, выкатил к ногам печенку. Запас картошки у нас был изрядный. Пашка натаскал с рынка почти два мешка, и мы теперь пекли ее почти каждодневно. Серега подобрал палкой развалившиеся угли и кинул остатки садовой калитки в костер. В небо взметнулась россыпь огненных искр. Обжигаясь, Олеся наткнул печенку на кончик зажатой между ног ветки и, придерживая култей, принялся обирать кожуру. Не дождавшись от нас ответа, он снова спросил:

– Не боязно тебе, Гаврош, одному здесь каждую ночь? Мне бы не по себе было. А тебе, Никитос?

– Не знаю, – я представил, как бы я ночевал один на брошенных дачах, и от этой мысли непроизвольно повел плечами, – если бы никого чужих не было, не страшно бы было... а так неизвестно, кто бродит...

– Конечно, если б никого чужих не было, тогда не страшно, – согласился Олеся и, подув на картошку, откусил желтую мякоть.

– Не, все равно лучше тут, чем в подвале, – сказал Гаврош, – здесь все это время спокойно было, ни милиции, никого.

– А кто ж орал тогда ночью? – спросил я его. – Помнишь, ты говорил?

– Кто его знает, – ответил Гаврош, задумчиво грызя травинку. – Орал кто-то...

Я больше ничего не стал уточнять у Пашки. Олеся тоже не проронил ни слова, сидел и уплетал картошину с такой жадностью, словно его неделю морили голодом.

Наконец, Серега закончил жевать, бросил остатки кожуры в пламя и, отерев пальцы о столбик, на котором сидел, сообщил:

– Картошка сладит. Сейчас лето, а картошка сладит, пацаны, – Олеся взглянул на Гавроша. – Наверное, поэтому тебе на рынке ее вдоволь отваливают, картошка – мороженая. Где они ее заморозить умудрились? На улице лето, а картошка померзлая...

Гаврош ничего не ответил. Олеся потер ладошкой лицо, из-за чего у него на подбородке остался угольный след, залез в карман штанов и вынул из него кубик фруктовой жвачки. Развернув фантик, Олеся откусил третью часть и без слов передал остальное мне. Я в свою очередь откусил причитающуюся мне долю и тоже молча протянул остатки Гаврошу. Тот, выпятив губы трубочкой, подался вперед и, с шумом всосав жвачку, принялся громко, с удовольствием,



чавкать. Привычка у Гавроша такая имела – чавкать, как поросенок. Других дурных привычек за ним не водилось. Курение я, естественно, в расчет не беру, это само собою. Но мы с Олесей не обращали внимания на мелкие недостатки Гавроша. В отличие от отдельных взрослых, учителей, к примеру, или других командиров. В общем, всех тех, кто без конца поучать норовит, кто корчит из себя твоих родителей, словно сам является редким примером и образцом совершенства. Такие любят за чужой счет постывляться. Найдёт в твоём поведении зацепочку и начинает тебя за нее теребить. Мытарит и мытарит бессовестным образом. Какой ты неправильный и навсегда во всем испорченный. А вот в их время все по-другому было. Мол, не такими они росли. Лучше! Во сто крат лучше! Даже в тысячу крат! С их слов судить – они в свое время все как один героями были и былинными витязями. Иные до того привяжутся – противно становится. Тьфу! И вправду захочется не такими, как они, вырасти. Вот мы и старались другими быть. Не сосредотачивали внимания на чавканье, издаваемом Пашкой. Положительных качеств у него ведь все равно больше. И к тому же куда более значительных качеств.

Гаврош за день до этого новость нам сообщил. Он задумал, как лето закончится, податься свою тетку Галину разыскивать. Не знаю, как Олеся эту новость воспринял, а я от Пашкиного известия чрезвычайно расстроился. Даже поначалу не мог с ним общаться. Так мне сделалось горько оттого, что он решил уехать от нас. Я ведь с людьми трудно схожусь, но если сдружился – все, считай на всю жизнь, до самой смерти. Я представить себе не мог, что нам с Пашкой придется расстаться и, возможно, больше никогда не увидеться. Он ведь за тысячи километров от нас с Олесей уедет. И еще скоро так: «Как лето закончится». А это значит, что меньше трех недель нам осталось. Я с тоскою посмотрел на Гавроша. Он откинулся на спину и, надувая жвачные пузыри, безмятежно разглядывал звездное небо. Затем я посмотрел на Олесю. Серега подхватил большую руку под локоть и любовался углями.

Вокруг сделалось совсем черно. Соседние постройки виднелись в сгустившейся ночи неясными темными чудищами. Даже самые близкие домики, и те были едва различимы. Смотришь на них изо всех сил, смотришь, и не можешь понять – то ли дом в том месте стоит, то ли просто мерещится. Наверное, это еще и потому мне так казалось, что мы сидели возле костра, и мои глаза привыкли к огню, а может, по иной какой-то причине...

Возле костра было горячо и уютно. Всю ночь можно было бы так просидеть. Я бы, например, запросто смог. Картошки навалом, сигареты есть, небо все в звездах, искры летят... Да только домой нужно было возвращаться. Я поднялся с кастрюли, на которой весь вечер мостился, и, перетаптываясь с ноги на ногу, чтобы размять затекший зад, вопросительно взглянул на Олесю. Про его намерения я не знал. Он, в отличие от меня, мог и до утра с Гаврошем трепаться. У него дома никто тревогу поднимать не будет, а мне – хочешь, не хочешь, – нужно бежать. Пока перейду через реку, пока до остановки дотопаю, затем автобусом. Недалеко, правда, при случае можно и пешком добежать.

Я уже собрался объявить, что ухожу, и тут Олеся поднялся со столбика и, отряхиваясь, заявил, что вместе со мной идти собирается. Мы быстро помогли Гаврошу затащить в дом матрас, щедро отсыпали ему сигарет, быстренько попрощались и по заросшей, едва приметной тропинке, продираясь через кусты, направились к дамбе.

На мосту мы шагали вдоль железного ограждения и смотрели на белые пенистые потоки внизу, которые с грохотом вырывались где-то под нашими ногами через открытые шлюзы. На середине дамбы я встал, навалился грудью на поручень и принялся глядеть на реку. Олеся тоже рядом устроился. Мы, когда по дамбе ходим, всегда на минутку, на две, останавливаемся с ним, чтобы полюбоваться рекой. Это даже у нас уже в подобие ритуала превратилось. Нравилась нам наша река. Странное дело, подумал я, зачарованно наблюдая за утекающим вдаль потоком, оказывается, в мире есть много обычных с первого взгляда вещей, которые способны доставлять радость. Например, сидеть у костра с пацанами, или вот смотреть на реку. И еще сколько всего.

Мы постояли немного, я уже собрался было дальше идти, но вижу, Олеся застыл, как истукан, и напряженно над чем-то раздумывает.

– Ты чего? – спросил я Серегу.

– Слушай, Никит, – сказал он, сталкивая рваным кроссовком в реку мелкие камешки, – я назад, к Гаврошу, вернусь. А то как он один? Шатается кто-то в округе, вопит диким голосом. Вдвоем сподручнее будет. Да и мне дома нечего делать. Матери, наверное, нет, бабка одна. Не пойду я домой.

Я кивнул ему, мол, понимаю. Долго мне с Олесей болтать некогда было, я пожал ему руку и заспешил к остановке. Добежав до светофора, я оглянулся: Сереги на мосту уже не было.

## 2. «Бог» курит «Мальборо»

Через день мы с Олесей забрели в центральную городскую библиотеку. Это он меня в нее затащил. Заняться нам было нечем, Гаврош подевался непонятно куда – ни на даче, ни на рынке его не было, – поэтому мы подались в единственное известное нам место, где можно было пробыть до самого вечера и откуда без причины не выдворят.

Бывать в библиотеке нам нравилось. Большие помещения и спокойная, величественная атмосфера кругом. Как в театре, только вход бесплатный. Мы проскользнули по широкой лестнице мимо вечно хмурой и подозрительной служащей, поднялись на третий этаж и, миновав комнату, в которой располагалось бесчисленное количество ящичков с нанизанными на стальные стержни картонными карточками, проследовали в читальный зал.

В «читалке» было просторно и очень светло. В жару здесь обычно держится приятная прохлада, а в ненастье становится тепло и совсем по-домашнему. Благодать, в общем. Чистота, тишина, растения в горшках, журнальные столики возле оконной стены...

Мы по обыкновению заняли задние места, чтобы быть неприметнее, да и за остальными посетителями следить ловчее. Я люблю тайком подсматривать за другими людьми. В те моменты, когда они считают, что никто не видит, чем они занимаются. Не знаю почему, но мне это дело нравится. Такие интересные вещи можно про людей узнать, о которых во всеуслышание лучше не рассказывать. А Олеся обожает в библиотеке журналы разглядывать. Как только мы вошли в зал, он сгреб со стеллажа целую пачку глянцевого журналов и принялся их листать.

– Ты видел девчонок, вон за тем столом, – чуть слышно прошептал мне Серега.

Он сделал вид, будто бы изучает страницу, а сам глядел исподлобья в сторону двух девиц, что сидели через два стола впереди нас.

– Нет, не успел разглядеть, – также тихо откликнулся я. – А что?

– Та, которая справа сидит – хорошенькая. Симпатичная и аккуратненькая вся. Я ее тут уже третий раз встречаю.

– И чего?

– Ничего... так просто, – неопределенно ответил Олеся и снова уткнулся в страницу.

Я тоже взялся за журналы. Однако они мне мигом наскучили, сплошная реклама и только. Я без охоты пролистал несколько номеров и отложил журналы на край столешницы. Ничего занимательного. В основном сказки про красивую жизнь и истории про знаменитостей, большинство из которых наверняка были вымышленными. Олеся же все номера подробным образом изучил, потом собрал их в стопку, отнес на место и приволок другие. Вскоре, в «Пилигриме», на последней странице, он обнаружил кроссворд и, пихнув меня в бок кулечей, произнес заговорщицким шепотом:

– Наглый, попроси у тех девчонок карандаш или ручку, кроссворд разгадаем, – он мотнул головой в сторону двух соседок, на которых несколько минут назад мне указывал.

– Сам попроси, – прошипел я в ответ. Вечно он мною помыкать норовит. Мне не то чтобы было трудно выполнить его просьбу, нет, просто девицы были старше нас, скорее всего студентки или, в крайнем случае, старшеклассницы, поэтому я не знал, как правильно к ним обратиться. Стеснялся, если по правде сказать. Будь на их месте кто-то другой, к примеру, наши ровесницы, или взрослые женщины, я бы без церемоний попросил у них карандаш, а у этих... Может, Серега рассчитывал с моей помощью с девицами знакомство свести? – Сам спрашивай, – говорю, – а я не буду.

Олеся обиженно посмотрел на меня и принялся разгадывать кроссворд на глазок.

Через минуту он запутался в клетках и опять ткнул меня в бок. Намеренно больно. Я в ответ даже не взглянул на него. Тогда Серега демонстративно захлопнул журнал, поднялся и направился к девушкам. Я принялся с любопытством за ним наблюдать.

Не дойдя до девчонок пары шагов, Олеся вдруг стал, неуверенно поправил пальцами ворот футболки – он всегда, даже в невыносимую жару, надевает футболки с длинными рукавами, чтобы култышка в глаза не бросалась, – несколько секунд нерешительно потоптался на месте, затем с растерянным видом обернулся ко мне и понуро поплелся назад. Когда Серега опять опустился на стул, в мою сторону даже не посмотрел.

Я согласен, может, я и не совсем по-товарищески поступил, но с девчонками мне ни за какие коврижки разговаривать не хотелось. Хоть расстреляй меня. Вот приспичило ему этот чертов кроссворд решать! Вокруг вон сколько книг разных, а он за кроссворд ухватился. И теперь дуется на меня. И все из-за этих дурех. Я тут же почувствовал к ним острую неприязнь. К этим девицам. Прямо распирало меня. А что?! Большинство девчонок сами виновны, что мы к ним так относимся. С предубеждениями. Не нужно быть с людьми такими зазнайками. Высокомерными фифами. Тем более с нами весной уже был один случай. В тот раз Олеся попросил у такой же вот «аккуратненькой» зажигалку (она стояла в сквере с подружкой и дымила вовсю), так мерзавка зыркнула на Олеся в упор и отвернулась. Ни единого слова ему не сказала! Будто Олеси и не было! Будто он невидимка какой или насекомое мелкое. От этого нам так в тот раз паршиво сделалось. До дурноты аж! Не только Олесе, мне тоже. Мы потом до самого вечера всех на свете девиц ненавидели, смотреть на них не могли.

Раньше Серегу его внешность так не заботила. Даже когда его в школе разные гады дразнили. А тут я стал подмечать, он по этому поводу все чаще беспокоиться начал, хоть и вида старается не показывать. Но мне ведь всё равно заметно, что и к чему. Шила в мешке не утаить, а от меня не спрятаться...

После неудачной попытки раздобыть карандаш Олеся тут же потерял интерес к кроссворду. Он отвернулся к окну и принялся яростно щипать растение, росшее на подоконнике в широком узорном горшке. Несколько длинных ветвей спускались между стеной и нашим столом, поэтому Олеся без труда до них доставал уцелевшей рукой, отрывал от стеблей листочки и кидал их на пол. Отрывал и кидал. Отрывал и кидал. Как заведенный прямо. А на меня по-прежнему не смотрел. И все из-за девчонок треклятых. Не из-за этих конкретно, конечно, что сидели сейчас перед нами, а вообще, из-за всех девиц в мире.

Через минуту на полу возле Олесяного стула уже валялась целая куча оборванных листиков. У цветка стебли в унылые голые охвостья превратились, и мне растение до того жалко сделалось, что я каждый оторванный листок как свой собственный ощущал. Будто это Олеся от меня куски тела отрывал, а не от цветка. Вот какие дела девчонки с людьми сделать могут своей надменностью.

Нужно было срочно сматываться. Если библиотекаря увидит, что Серега с цветком сотворил, подумал я, нам точно не поздоровится. Можно запросто и оскандалиться при всех. Этого еще не хватало. Могут читательский билет отобрать, а без библиотеки Сереге нельзя, где он книги брать станет? Я уже было собрался сказать ему о своих опасениях, но тут он сам повернулся ко мне и произнес как ни в чем не бывало:

– Пойдем на улицу, Наглый, покурим.

У меня сразу же внутри отлегло. Олеся подолгу унывать не любил. Вот это другое дело, похвалил я его про себя. Давно бы так, а то дуться из-за ерунды всякой, настроение себе портить. Еще чего!

Мы собрали разбросанные по столу журналы и подались их сдавать. Пока Олеся получал билет назад, я успел разглядеть тех девчонок, что сидели впереди нас. Ничего особенного в них не было. Смазливые и одеты по-модному, с виду приличные, но все равно ведь наверняка воображают себя принцессами писанными. Я такое их к себе отношение за версту чую. Всегда. Не следует перед такими расшаркиваться, как некоторые, например, делают. Увидят симпатичную девушку и принимаются увиваться за нею. Стелятся, что и есть. Умаслить стараются. А та и рада-радешенька, строит из себя неизвестно кого. Я так скажу: если девчонка

стоящая, в смысле по-честному к себе относится, она никогда задаваться не станет. Потому что ни к чему ей этого делать. У нее и так все в порядке.

Все для нас обошлось благополучно, мы не были уличены в преступлении, и Олесе вернули билет. Мы вышли из библиотеки и, навалившись локтями на бетонный парапет на крыльце, взялись рассматривать прохожих. Крыльцо было высокое и сразу вело с асфальта на второй этаж здания, поэтому мы глядели на людей с высоты нескольких метров. Многие из них нас даже не замечали. Проходили мимо, погруженные в свои заботы и мысли, и представления не имели, что мы на них сверху глядим. Разве что плюнуть на них, подумал я, может тогда они меня с Олесей заметят. Но это мне невзначай так подумалось, не серьезно. Не станем же мы, в самом деле, понапрасну в людей плевать. Нас же воспитывали с уважением к другим относиться. Это меня просто все еще злость разбирала от воспоминаний о той зазнайке из сквера, что посчитала себя слишком уж важной особой, чтобы ответить на Серегину просьбу.

День выдался солнечный, спокойный и жаркий. На крыльце было приятно стоять. Из-за того, что перед входом росли высокие тополя, солнце не заливало бетонный пол сплошь, а ложилось на него небольшими желтыми пятнами. У деда на даче солнечный свет точно также падает на веранду. Пробивается сквозь виноградные лозы и ярко пестрит доски. Мы с дедом часто на веранде сидим и рассказываем друг другу о своей жизни. Вернее сказать, чаще он мне рассказывает, а я его слушаю...

Возвращаться в библиотеку мы передумали. Олеся забрался на парапет с ногами, прислонился спиной к шершавой стене, подобрал коленки к груди и ловко, не вынимая пачки, извлек две сигареты и протянул одну мне.

– Не, я не буду, – мотнул я головой, – мне еще к маме на работу нужно зайти, а она сразу ухнет, что я курил.

Олеся равнодушно пожал плечами и сунул одну сигарету обратно в карман. Ему все равно было, его никто не поймает.

– Зачем тебе к ней?

– Да она хочет, чтобы меня сфотографировали, – без желания пояснил я. – У них там фотограф работает, мастер и лауреат разных премий, вот она и заставляет меня у него сфотографироваться. Чтобы портрет на стенку повесить. Мама с ним уже давно договорилась, все меня уломать не могла. А вчера я пообещал ей, что сегодня приду.

– Тогда пойдем, – Олеся бросил на тротуар недокуренную сигарету и проворно соскочил с парапета. – Делать все равно нечего. Посмотрим, что за лауреат.

Мы сбежали с крыльца и направились к высотному зданию бывшего проектного института, которое находилось через четыре квартала рядом с универмагом. В высотке размещалась фирма, в которой работала мама. Вообще-то она раньше в институте была архитектором, но после того, как его закрыли, в эту фирму работать ушла, бизнес-тренером. Если ее должность на человеческий язык перевести, она на самом деле звучит обыкновенно – преподаватель. Весь их институт теперь был под всевозможные конторы распределен. Мамина, к примеру, проводила различные учебные курсы и какие-то мудреные консультации предоставляла. Фирма размещалась на третьем этаже здания, а фотостудия, в которую мы с Олесей теперь направлялись, была на четвертом.

До здания мы быстрехонько долетели, я даже немного вспотел. По привычке, скорее всего, мы так мчались. Меня мама, когда мы вместе идем, все время осаживает, потому что на каблуках никак не может за мною поспеть. Я поначалу, по ее просьбе, сбавляю ход, но после задумаюсь о чем-нибудь и опять принимаюсь бежать. Манера у меня такая имеется – думать о разном. Начну размышлять – ничего вокруг себя не вижу-не слышу, пока меня по голове не огреют. Мама в таких случаях терпит какое-то время, потом рассердится, остановится посреди улицы и стоит, гневно ждет, когда я обнаружу ее отсутствие и тоже встану. Она счи-

тает, что я нарочно издеваюсь над нею. А я и не помышляю об этом. Глупости настоящие! Вот не пойму я ее, в самом деле. Даже досадно иной раз становится. Зачем мне над собственной матерью измываться?! Она же мама моя! Разве она стала бы специально бабушку изводить? Или деда? Наверняка бы не стала. Вот и мне ни к чему.

Мы с Олесею перевели дух, выпустили из стеклянных дверей двух деловых хлыщей в рубашках, с портфелями, и зашли внутрь. Рядом с лифтом Серега неожиданно заспорил со мною. Он предлагал подняться на третий этаж на лифте, а я настаивал топтать пешком.

– Дольше ждать этот лифт, – говорю, – пока он приедет. В этом здании уйма народу в лифтах ездит, никто не желает ногами ходить. Быстрее подняться по лестнице.

Но Олеся ни в какую не уступал. Уперся, как бык. Он иногда упрямый бывает – трактором не своротишь. Тогда я решил его не упрашивать и пошел наверх в одиночку. Давай, думаю про себя, кто быстрее. А на третьем этаже мне пришлось его, наверное, минут пять еще дожидаться. Я уже измучился весь, даже хотел опять вниз спуститься, гадал – сквозь землю, что ли он провалился, и тут Серега вываливается из лифта. Я рассержен до крайности, а ему хоть бы хны. Стоит веселый, во весь рот улыбается.

Я не стал Олеся ничего выговаривать, мигом остыл. Друг все-таки. Открыл молчком дверь, которая отделяла половину этажа от лестничной площадки, и потянул его за собою. За дверью располагалась мамина фирма. Олеся я кивнул, мол, иди смелее, не отставай, и мы с ним проследовали мимо вахтенного стола, за которым сидела допотопная старушенция лет не знаю под сколько. Если бы она не красилась так обильно, прямо как старшеклассницы в моей школе, в этом случае еще бы была надежда распознать ее истинный возраст, но у нее губы были ярче, чем красный сигнал светофора, и веки непонятного цвета – как у утопленницы. Она насуплено посмотрела на нас поверх узких очков и чуть заметно опустила подбородок в ответ на мое громкое «здравствуйте». Она знала меня – я был в этом стопроцентно уверен, – но почему-то никогда не улыбалась и не здоровалась со мною. Я имею в виду, не говорила «Здравствуй!» или «Привет, привет, молодой человек!», как другие делают. За все время я ни единого раза не слышал ее голоса. Нет, правда. Сотни раз здесь бывал, проходил мимо этой бабки с нарисованным лицом и ни разу не слышал, чтобы она разговаривала. Может, она немая, мелькнуло у меня в голове, и еще вдобавок глухая.

Ну, это я, конечно, переборщил, с глухотой. Так, поерничал. Я перестал думать о старухе и, приоткрывая двери одну за другой, отыскал аудиторию, в которой находилась мама.

– «Белые люди», – услышал я за спиной Олесин голос.

Я обернулся:

– Ты чего? – говорю.

Серега указал кулечей на стену рядом с дверью. На ней висела бронзовая табличка с надписью: «Тренинг-группа «Белые люди». Тут же было приклеено бумажное объявление: «Уважаемые посетители курсов! Расписание на июнь-август 2005 г. можно узнать у ваших руководителей». Я посмотрел на табличку и объявление и с безразличием махнул рукою – мол, много здесь всяких табличек прикручено, всех не прочитаешь.

В кабинете кроме мамы находился еще и Андрей Олегович. Он вместе с мамой работал и тоже вел какие-то курсы. Что за курсы, я точно не знаю, меня это особо не интересует. Что-то вроде обучающих семинаров для тех, кто в фирмах работает, да в офисах разных сидит. Я с Андреем Олеговичем до этого уже три раза встречался, и мне он почему-то тотчас понравился, с первых минут. Наверное, потому что не лез ко мне с разными идиотскими шутками и с бессмысленными расспросами, ненужными никому, какие обычно другие родительские знакомые затевают. Они вечно либо поучать принимаются, либо строят из себя моих закадычных друзей. А одна мамина подруга тут недавно и вовсе фортель выкинула! Она погладила меня по щеке с лукавой улыбочкой и негромко спросила, не завел ли я уже себе «девочку». Я смутился и покраснел, а она, рассмеявшись, толкнула меня в бок обтянутым юбкой бедром.



Она вечно ко мне пристаёт с нескромными разговорчиками. Не зря мой отец ее называет профурой. А вот Андрей Олегович не надоедает мне пустыми вопросами. Он хоть и невысокого роста и сложения не богатырского, но, несмотря на это, в нем сразу же ощущаются уверенность и сила. Мужское и надежное что-то, располагающее к себе. Лицо у него хорошее, честное и открытое. Подлянки в нем не ощущается, в его лице. Ведь у людей лица какие хочешь бывают. Бывает, попадаются такие, что сразу не определишь, что и к чему, чего ждать, или в другой раз, наоборот, понимаешь – лучше с этим типом ухо остро держать. А бывает, встречается лицо, как у Андрея Олеговича. И смотрит он по-особенному. Глянет на тебя пристально, и кажется, будто всю твою душу насквозь высветил, всего тебя понял. Понял и поддержал.

Когда мы с Олесей вошли, мама с Андреем Олеговичем раскладывали на столе бумаги и о чем-то негромко совещались. Мама первой подняла голову на звук наших шагов и, увидев меня и Олесю, направилась к нам навстречу.

– Здравствуй, Сережа, – мягко сказала мама.

Олеся тоже поздоровался с нею. Мама глянула на меня и добавила:

– Вовремя пришел, скоро тренинг начнется, мне нельзя будет отлучаться. Сейчас я тебя отведу в студию, а Сережа пускай здесь подождет. Хорошо? – она внимательно посмотрела на Олесю, затем опять перевела взгляд на меня.

Что тут скажешь? Серега буркнул что-то невнятное себе под нос и ушел в конец аудитории, где устроился за столом в последнем ряду. На его месте я, наверное, точно также бы поступил. По-сволочному себя чувствуешь, когда за тебя решают, чего ты должен делать, а чего нет. Бесправным щенком на поводке себя ощущаешь.

– А со мной ему нельзя? – спросил я без всякой надежды. Я же видел, Сереге хотелось побывать в настоящей фотостудии и посмотреть, как меня будут фотографировать.

– Нельзя, Никита, – сразу же отрубила мама и вышла из аудитории.

Я с неохотой поплелся за нею. Она провела меня на четвертый этаж и представила какому-то пижону лет пятидесяти с короткой стрижкой, в модных льняных штанах и оранжевой, просторного кроя, рубашке, который, как выяснилось, и оказался тем самым чудо-фотографом. Пока мы шли с мамой по коридору, я с ней словом не обмолвился, и у меня за это время пропало всяческое желание фотографироваться. Поэтому, когда мама называла мое имя этому моднику, я стоял напротив него с кислой физиономией и демонстративно пялился в потолок. И понятно! А как я должен был себя вести, если она с моим другом так несправедливо обходится?!

Это между мной и родителями еще с тех пор повелось, как Олеся взорвался и остался без руки. Мне тогда мама напрямую заявила, чтобы я с Серегой больше не встречался и дел с ним никаких не имел. Строго – настрого пригрозила, что если узнает, что я с Олесей вожусь, из дома меня не выпустит, под арест посадит. Точно он заразный какой! Будто от него смертельную холеру можно было схватить или язву сибирскую! Я понимаю, родители меня от опасности уберечь пытались, думали Олеся – источник этой самой опасности. Они же не знали некоторых подробностей из нашей жизни. Таких, например, что это я Олесю научил газеты селитровать, а не он меня. И если по-справедливому разобраться, следовало бы еще подумать хорошенько, кого защищать нужно было, меня от Олеси или наоборот.

С Серегой я, понятное дело, дружить не бросил, зато с родителями потом два месяца через пень-колода разговаривал. И нисколько не жалею об этом. Сами виноваты. Серега у меня с раннего детства самый что ни есть близкий друг, а они хотели меня Олеси навсегда лишить. Вот отчего у меня настроение упало. Потом родители, естественно, переменили свое отношение к Сереге. Скорее всего, сообразили, что неправильно поступают, да и деваться им все равно некуда было. Но обида у меня на них за Олесю все еще до конца не выветрилась. Я подметил, обида – она такая дрянная болячка, что долго внутри человека держится. Почтище гриппа или ангины. Бывает, ты изо всех сил стараешься забыть и не думать о каком-нибудь

скверном случае, который с тобою произошел по чьей-нибудь вине, но ведь нет, случится что-нибудь, да и сбередит эту болячку. Как, например, у меня с родителями теперь выходит. По мне лучше было бы, чтобы вместо обид синяки или царапины на теле появлялись. Синяк ведь бесследно исчезает, особенно когда на него внимания не обращаешь, даже крошечного пятнышка не остается, а обида – она может на долгие годы в душе засесть и саднить настырно время от времени, покоя тебе не давать...

После того как мама назвала мое имя, модник расцвел в картинной улыбке и провел меня внутрь студии. А мама поспешила назад, у нее ведь занятие должно было начаться.

В фотостудии, конечно, имелось на что посмотреть, врать не стану, занятное местечко. Приборы разные, фонари на треногах, зонтики специальные, чтобы свет отражать. Штучки какие-то особые, навроде сценического реквизита, по углам стояли. А рядом с правой стеной даже часть парашютной комнаты была сооружена: на полу лежал толстый овальный ковер, на нем раскорячился низкий стеклянный стол, а вокруг были расставлены шикарный диван и старинные резные стулья. Но меня не комната больше всего заинтересовала. Меня привлекли фотографии, которые висели в стеклянных рамках на противоположной от бутафорской комнаты боковой стене. Модник взялся настраивать свою технику, приготавливаясь к съемке, а я в это время шатался по студии из конца в конец, вот и увидел эти снимки.

Фотографии на стене были большие, четкие, но какие-то странные. Само собой разумеется, они все были яркими и качественно выполненными, но уж больно чудными. Откровенно сказать, они мне не пришлись по душе. Да и что в них могло понравиться нормальному человеку, если, к примеру, на одном снимке – под названием «Босс», – здоровенный мужик в рваных джинсах и белой майке держал в руке плетеный кожаный поводок, к которому была пристегнута рыжая толстуха в деловом брючном костюме. Она стояла рядом с мужиком на четвереньках (ну, вылитая собака!) и смотрела в камеру стеклянным взглядом. Психопаты натуральные, да и только! Кто из них босс я так и не понял. Мужик в майке или эта толстуха рыжая? И на соседней фотке сценка не лучше была. На ней во весь кадр (прямо жуть брала) был запечатлен момент, когда красивая женщина с роскошными белокурыми волосами влепляет пощечину другой даме – темненькой. У той, которой со всего размаху заехали, даже очки от удара слетели, так ей блондинка треснула. И губы у брюнетки от боли скривились, и выражение лица сделалось ошеломленным. Не ожидала она, видно, что с ней так подло поступят. А у блондинки лицо от ненависти изломалось и превратилось в гримасу. Оно мне от этого даже чем-то морду оскалившей макаки напомнило. Обе женщины были нестарые, обе красивые и шикарно одетые. Чего им драться приспичило, не разберу? Таких деловых теток полно разгуливает по всем этажам проектного института, и в лифтах они толпами ездят. Неужели кто-то из них может вот так вот люто взъяриться и начать драться, изумлялся я, разглядывая фотографию. Под этим снимком тоже надпись имелаась. Он назывался «Карьера». Чушь несусветная, в самом деле. Нет, правда. Приличные на первый взгляд дамочки, а дубасят друг друга из-за работы, как сумасшедшие. Я, например, был не в состоянии себе представить, чтобы моя мама настолько сильно могла б разозлиться. Нет, лучше не видеть мне этого. Когда женщины ведут себя так, пропадает все славное и чудесное, что до этого в них жило. Девается неизвестно куда, улечивается, и они уже не милыми кажутся, а макаками дикими представляются. Я бы, к примеру, не хотел, чтобы моя мама вот такой вот была. Поэтому мне эта фотка и не понравилась. И все остальные фотографии в подобном же духе были – либо девицы смазливые, либо накрашенные хлыщи. То вместе, то по отдельности. Одним словом, похабщина настоящая. Ничего хорошего в этих снимках я не разглядел. Бред полоумного, если по-настоящему разобраться.

Из всех фотографий, что находились в студии, мне одна лишь фотка по сердцу пришлась. Черно-белая. Та, что висела отдельно от всех остальных над темным рабочим столом. На ней было крупным планом снято улыбающееся лицо старого человека. И все. И никаких дурацких ошейников, никаких лупцеваний и гадких гримас. Я как этот снимок увидел, сразу же к нему

подскочил. Лицо у старика было простое, небритое, все в морщинах и смуглое от загара. Точь-в-точь как у моего деда, когда он летом на даче живет. «Вот это снимок!» – подумал я. Все по-настоящему, прямо как в жизни. До каждой черточки, до самой крохотной точки. Без всяких там глупых шуток. На меня даже дедовским запахом внезапно пахнуло – запах старой рубахи с табачной горчинкой. Настолько мне эта фотография приглянулась. И взгляд дедовский вспомнился, и голос его с хрипотцой. От всего этого я к человеку на фотографии вмиг расположился. Я же говорю, на свете всякие лица бывают.

– Понравились фотографии? – раздался позади меня голос фотографа.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда услышал его. Так я на портрет засмотрелся, что позабыл обо всем. Я резко обернулся и соорудил равнодушное лицо. Модник стоял от меня в паре метров и, утопив руки в карманы штанов, разглядывал на стене снимки. Те, от которых мне противно сделалось. Изучал их с таким внимательным видом, будто впервые увидел их. Я ничего ему не ответил. Стоял и молчал. Прикинулся, что не расслышал вопроса. Невежливо я поступал, не спорю, да он тоже хорош. Задал вопрос, а сам на меня даже и не взглянул. И неизвестно было, к кому он обращается, ко мне или к той рыжей корове на четвереньках.

Он, наверное, еще с минуту рассматривал фотографии, прежде чем снова спросил меня.

– Ты так и не ответил. Как тебе снимки? Понравились? – повторил он. Он вперился в меня взглядом и ждал, что я отвечу.

– Нет, не понравились, – произнес я спокойно.

Пусть он и мамин знакомый считается и согласился меня сфотографировать, все равно скатерти праздничные перед ним стелить у меня желания не было. Сказал начистоту. Может быть, ему и поют все, как один, хвалебные песни, мол, какие у вас замечательные фотографии, и сами вы невыносимо талантливый, мастер и маг, но я-то не собирался так поступать. Даже если он разозлится, откажется меня снимать и выставит сейчас же за дверь, ничего страшного, подумал я, перебьемся. Жил же я без этого, и Олеся с Гаврошем живут и нисколько не печалются.

– Не понравились, – говорю.

Фотограф посмотрел на меня с любопытством и вдруг улыбнулся по-свойски.

– Сурово, но честно, – произнес он и опять к фотографиям повернулся, разглядывать взялся.

Откровенно сказать, я не ожидал, что так все обернется. Я думал, он засопит, надуетесь, капризничать станет. Есть такие люди, которые себя, как грудные дети, ведут. А он – нет, наоборот похвалил.

– Что, ни одной нет хорошей? – через время с сомнением в голосе поинтересовался фотограф. – Все никудышные?

– Не все, – ответил я.

– Ага, значит, все-таки что-то пришлось по вкусу?

– Вот эта фотография классная, – я приблизился к письменному столу и указал на черно-белый снимок, на котором было запечатлено лицо старика.

Фотограф развернулся и, увидев, на какую фотографию я тычу пальцем, медленно ко мне подошел.

– Знаешь, она мне тоже нравится, – признался он.

Еще бы, подумал я, конечно, как такая фотография может не полюбиться, тем более, если ты сам ее автор.

– А почему она тебе показалась лучше других? Что в ней особенного?

– По-настоящему все, по-честному, – говорю, – всему веришь. Все как в жизни. Не приглажено, не примазано... Морщины, взгляд, борода. Даже запах, и тот ощущается.

– Запах? Какой еще запах? – модник с удивлением уставился на меня.

– Запах, – говорю, – моего деда. Этот человек на моего деда походит здорово. Я когда на фотографию эту гляжу, деда своего вспоминаю и запах его чувствую, с табачной горчинкой.

– А если на те снимки смотришь? – он кивнул в сторону боковой стены.

– А когда на эти фотографии смотрю – ничего не понимаю. Злость меня на этих людей разбирать начинает. Что они все такие придурки. Перед объективом ломаются и ведут похабно себя. Не стыдно им? А если их родные увидят? К примеру, их мамы и папы? Или их дети? Как они им объяснят такое вот свое поведение?

– Ясно, – улыбнулся фотограф. Он помолчал несколько секунд, потом добавил: – Ну ты, брат, даешь. Спасибо за критику... К твоему сведению, на снимке мой отец. Я его два месяца назад фотографировал. Он в пригороде живет, держит коз и пишет пейзажи. Тридцать лет в госпитале для ветеранов хирургом отработал, а теперь перебрался в деревню. Ладно, пошли работать. Меня Виктором Ильичем зовут, – напомнил он, – ты, кажется, в прошлый раз мое имя мимо ушей пропустил.

Он повернулся и неспешно пошел к треноге, к которой уже успел прикрутить камеру. Я наблюдал, как он возится, подстраивая по высоте ножки, и подумал про себя, что, в сущности, не такой уж он и модник, этот Виктор Ильич, и вовсе даже не пижон. Пижоны – они другие. Мне они много раз попадались. Тем более у него отец вон какой, с дедом моим точно два родных брата. И гордится он им не меньше, чем я своим дедом горжусь.

Студию я покинул минут через двадцать. Виктор Ильич все быстро отщелкал. Никаких заумных вещей он не выдумывал. Перед съемкой посоветовал мне думать о чем-нибудь радостном, мол, тогда все получится. Он дал мне твердое обещание, что постарается, чтобы снимки вышли не хуже той фотографии, на которой его отец был заснят. Я его не просил, он сам слово дал. Когда я уходил, Виктор Ильич протянул мне на прощание руку. Крепкая у него рука оказалась. Наверное, у его отца точно такая же. А на себя я был всерьез раздосадован за то, что посчитал поначалу Виктора Ильича хлыщем. Мне подумалось, что если бы я попросил его разрешить Сереге поприсутствовать в студии, он бы ни за что нам не отказал, не такой у него характер.

Выйдя из студии, я спустился на третий этаж, проследовал мимо вахты и, приоткрыв дверь на треть, кошкой проскользнул в мамину аудиторию. Серега сидел на последнем ряду за тем же столом, за которым устроился еще при моем уходе. Стараясь ступать неслышно, я добрался до конца кабинета, плюхнулся на стул возле Олеси и, вертя головой, осмотрелся. Впереди нас было несколько свободных рядов и только потом, начиная примерно от середины, сидели человек пятнадцать посетителей маминых курсов – серьезные тетки и дядьки. Наверное, все сплошь работают в каких-нибудь богатых конторах и модных офисах, подумал я.

– Ну как? – спросил Олеся, имея в виду съемки.

– Да никак, – говорю, чтобы Серега больно-то не расстраивался, – скукота смертная... А тут чего? Может, пойдем? – пихнул я Серегу.

– Подожди, – придержал он меня, – тут, Наглый, потеха, прямо спектакль. Я чуть от смеха не лопнул. Еле-еле сдержался. Только из уважения к твоей матери вытерпел... Я ее уважаю, Наглый, а она ко мне почему-то относится с подозрением, – с неожиданной грустью закончил Олеся.

– Какой спектакль? – не понял я.

Я умышленно последнюю Серегину фразу пропустил мимо ушей, потому что мне нечего было сказать. Прав он был, и все. И если начистоту говорить – стыдно мне за своих родителей перед Серегой сделалось, ничего здесь не напишешь.

– Слушай, что говорить будут, и догадаешься. Одна группа уже откривлялась, – Олеся перекосил рот в усмешке, – сейчас вторая выперлась. Гляди и все поймешь.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.